

Что не так с западными экономиками?*

Эдмунд С. Фелпс

Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике, член Национальной академии наук США, иностранный член Российской академии наук

Edmund S. Phelps

What Is Wrong with the West's Economies?

Edmund S. Phelps

American economist, Nobel Prize winner in Economics, Member of United States National Academy of Sciences, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences

Что же неверно с экономикой Запада — и с экономической наукой? Это зависит от того, о чем мы говорим: о том, что хорошо или о том, что справедливо.

Многие из нас в Западной Европе и Америке чувствуют, что наши экономики далеки от справедливости, хотя наши взгляды на справедливость несколько отличаются. Группа экономистов, десятилетия возглавляемая британским экономистом Энтони Аткинсом, полагает, что Запад находится в новом золотом веке неравенства по уровню доходов и благосостояния². Основываясь на утилитаристском подходе Джереми Бентама, доходы более состоятельных групп перераспределяются в пользу более бедных до тех пор, пока не будет достигнута максимальная «общественная полезность». Однако открытым остается вопрос, отвечает ли эта доктрина интуитивному взгляду на то, что представляет собой справедливость.

В те же десятилетия философы проявили большой интерес к работе американского философа Джона Роулза. Его книга «Теория справедливости» принципиально отличается от теории Бентама, в ней экономическая справедливость связана с распределением «общественных благ», но для него это слово означает удовлетворение потребностей в благах и свободе, а не сумму «благ»³. Речь идет о тех условиях, на которых каждый участник вносит свой вклад в экономику общества. По мнению Роулза, справедливость требует от государства использования налогов и субсидий для того, чтобы вытянуть людей с низкими доходами на максимально

* Оригинал статьи: The New York Review of Books, 13.08.2015. What Is Wrong with the West's Economies?

¹ An early work of Atkinson's is *Economics of Inequality* (Oxford University Press, 1975); for a review of his most recent book, *Inequality: What Can Be Done?* (Harvard University Press, 2015), see Thomas Piketty, The New York Review, June 25, 2015. I was struck by a presentation by Atkinson, «The Social Marginal Valuation of Income», at the conference celebrating the seventieth birthday of Sir James Mirrlees, Clare College, Cambridge, July 28, 2006.

² *A Theory of Justice* (Harvard University Press, 1971). The book sees a society's economy as central to the people, arguing that they are drawn together by their desire for mutual gains from collaborating in its economy.

возможный уровень. Таким образом, наименее обеспеченные получают самую большую из возможных выгоду от сотрудничества людей в экономике.

Между этими двумя взглядами существует борьба. Идеи Бентама со временем трансформировались в корпоративистскую идею, согласно которой правительство должно предоставлять лучшие условия, будь то денежные или налоговые льготы, или бесплатные услуги определенным категориям, будь то корпорации, или союзы, или потребители, которые заявляют о подобных нуждах, до тех пор, пока предоставляемые преимущества не станут слишком дорого обходиться государству. Выполнение подобных требований от групп с различными интересами приводит к недостатку средств в государственной казне для нужд низкооплачиваемых работников.

Взгляды Роулза, действительно, практически не были поддержаны законодателями. В США налоговый кредит на заработанный доход был принят в 1975 г. Но он в основном компенсировал низкие доходы женщин с маленькими детьми. Ничего не делалось для низкооплачиваемых работников в целом и, в некоторой степени, налоговый кредит на заработанный доход на самом деле уменьшал и без того небольшую зарплату бездетных женщин и неженатых мужчин. В Европе некоторые страны тратят гораздо больше на субсидирование рабочих мест, чем в США, но статистический анализ не позволяет обнаружить его значительного влияния на уровень заработной платы или безработицы.

Незначительная или неэффективная политика привела к неблагоприятным, меняющимся на протяжении четырех последних десятилетий последствиям для рынка — главным образом это замедление производительности на Западе и, конечно, глобализация, в процессе которой производства с низким уровнем оплаты труда были перенесены в Азию — что в результате привело, не встретив сопротивления, к снижению занятости и размера заработной платы на нижнем уровне. Подобный спад стоил наименее обеспеченным слоям населения не только потери дохода, но и потери того, что экономисты называют «включенностью» («inclusion») — доступа к рабочим местам, предлагающим работу и зарплату на достойном уровне, обеспечивающем самоуважение. И самой по себе «включенности» уже недостаточно. В Америке чернокожим городским подросткам давно не хватает «включенности», во Франции в подобной ситуации находятся североафриканцы, в большей части Европы сделана лишь незначительная попытка включения народности рома (цыган).

Провал западных экономик означает провал экономики как науки. Классическая идея политэкономии состоит в том, чтобы допустить снижение уровня заработной платы до размера, диктуемого рынком, а затем предоставлять каждому «социальную поддержку» или «отрицательный подоходный налог», защиту от безработицы, бесплатную еду, жилье, одежду и медицинское обслуживание. Эта политика, даже осуществляемая гуманно (а обычно это не так), упускает из виду то, что, даже если мы обратимся к Западу уже начиная с эпохи Возрождения, многие люди давно почувствовали желание делать в своей жизни что-то помимо потребления товаров и услуг. Они хотят участвовать в сообществе, в котором могут взаимодействовать и развиваться.

Широко распространенная у нас политэкономия не учитывает само понятие «включенности»; она не исключает из рассмотрения любые средства покрытия дефицита. Моя монография и изданный сборник конференции — одни из немногих книг, публикующих результаты исследований о способах недопущения отсутствия включенности людей в экономику, в которой они будут удовлетворены своей работой¹.

¹ *Rewarding Work: How to Restore Participation and Self-Support to Free Enterprise* (Harvard University Press, 1997) and *Designing Inclusion: How to Raise Low-End Pay and Employment in Private Enterprise* (Cambridge University Press, 2003).

Специалисты сейчас говорят о несправедливости иного рода. Люди с достойной работой считают экономику несправедливой, если они или их дети не имеют реальной возможности подняться по социальной лестнице. В настоящее время двигаться вверх становится все трудней. Даже в золотой век многие магнаты поднялись из низших слоев населения. (Хотя ступени лестницы были высокими, по ней можно было подняться.) Ощущение несправедливости появляется от чувства неравенства возможностей: те, кто находится на высшей социальной ступени, используют свои связи для того, чтобы там остаться и быть уверенными, что их дети последуют за ними. Препятствие для вертикальной мобильности всегда одно и то же: барьеры конкуренции преодолеваются обеспеченными людьми, обладающими определенными связями, а также корпорациями, профессиональными ассоциациями, союзами и гильдиями.

Но правда состоит в том, что никакие действия в соответствии с идеями Роулза направленные на то, чтобы поднять нижнюю планку заработной платы и уровень занятости или ликвидировать несправедливые преимущества, не могут избавить наименее привилегированные слои населения от проблемы недостаточной включенности в экономику. Влияние спада производства и глобализации слишком велики. Более того, несмотря на то, что несправедливость западных экономик является вопиющей, она не должна рассматриваться как основная причина спада производства и глобализации. (Начнем с того, что спад производства начался в США в середине 1960-х, а резкое сокращение рабочих мест в более бедных странах произошло значительно позднее — с конца 1970-х до начала 1990-х.) Необходимо рассматривать более глубокие причины.

Несмотря на то, что справедливая экономика нужна для самоуважения и национальной гордости — Роулз рассматривает справедливость как важнейшее достоинство общества — справедливость это не все, что люди хотят от экономики. Они нуждаются не только в справедливой, но и в «хорошей» экономике. В течение нескольких десятилетий западные экономики не отвечают требованиям концепции «хорошей экономики» — экономики, предлагающей «хорошую жизнь», или «жизнь в богатстве», как называют это некоторые гуманисты.

Хорошая жизнь в обыденном понимании означает достижения мастерства в каком-либо занятии, которое позволит получить более выгодные условия или вознаграждение, будь то материальное, как богатство, или нематериальное — как то, что мы можем назвать «благоденствием». В понимании гуманистов и философов хорошая жизнь подразумевает использование своего воображения, творческих возможностей, исследование неизведанного, и воздействие на мир, то, что я называю «процветанием». Здесь выгода заключается в приобретении опыта, а не материальных наградах, хотя материальные блага могут быть средством для достижения нематериальных целей. Как писал Кабир Сехгал, «деньги — как кровь. Они нужны для жизни, но не являются ее целью»¹.

Как может «хорошая жизнь» преобладать в обществе? Исторически, как я пишу в своей книге «Массовое процветание»², благоденствие и процветание существовали в XIX в., когда экономики в Европе и Америке активно и динамично производили инновации. В ответ на вызовы и возможности постоянно развивающейся экономики, более предприимчивые участники рынка получали опыт решения новых проблем и преодолевали новые препятствия, возникающие в процессе внедрения инноваций: и именно эти люди достигали «благоденствия». Воодушевленные воз-

¹ Kabir Sehgal, *Coined: The Rich Life of Money and How Its History Has Shaped Us* (Grand Central, 2015).

² *Mass Flourishing: How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change* (Princeton University Press, 2013).

никшим духом динамизма, наиболее склонные к инновациям участники постоянно пытались придумать новые способы производства и новые продукты: эти люди «процветали».

Каковы были истоки этого динамизма? Он возник из-за развития благоприятной культурной среды. В XIX в. в Великобритании и Америке, а позднее в Германии и Франции культура исследования, экспериментирования и, в конечном итоге, инноваций, выросла из индивидуализма Возрождения, витализма эпохи барокко, экспрессионизма периода романтизма. Существенный прорыв в поэзии, музыке, изобразительном искусстве, т. е. в «креативном» секторе экономики, что неудивительно, привел к росту творчества в других ее секторах. В эти годы Джордж Стефенсон задумал паровую железную дорогу, Джон Дир — стальную плуг; Айзек Зингер разработал и выпустил лучшую швейную машину, Томас Эдисон разработал фонограф, братья Люмьер — кинематограф, а Флоренс Найтингейл осуществила реорганизацию больниц. Инновации, особенно в США, по свидетельствам очевидцев, процветали. Авраам Линкольн, находясь в поездке по Америке в 1858 г., заявил, что у страны есть «большая страсть — идеальная жажда «нового»¹.

Таковыми мощными инновации были из-за того, что не ограничивались одними элитами. Они пронизывали общество от наименее обеспеченных слоев до самого верха. Обычные люди могли быть вовлечены в инновации, большие и маленькие. Стефенсон был безграмотным, Дир — кузнецом, Зингер — машинистом, Эдисон был незнатного происхождения. Инновационные идеи были у людей с обычными способностями. Как я писал в книге «Массовое процветание», «даже люди с малыми и средними талантами ... получили возможность использования своего разума, чтобы решить проблему, придумать новый способ, создать новую вещь».

Опыт работы в такой динамичной экономике был, очевидно, положительным для многих людей — во всяком случае, гораздо лучше, чем в предыдущих экономиках. Дневники этого периода противоречат старой знакомой идее о том, что сельская жизнь во времена меркантилизма, с ее рутинной и изоляцией, лучше, чем современная жизнь на производствах и в городах².

Возможно, некоторым экономикам не хватало (и до сих пор не хватает) средств, чтобы обеспечить большей части населения уровень заработной платы, достаточный для благоденствия или преуспевания; или создать необходимое число рабочих мест с такими возможностями. Высокая заработная плата, низкий уровень безработицы и широкий доступ к привлекательной работе необходимы для «вполне хорошей» экономики, хотя и недостаточны. Материальные возможности экономики должны соответствовать распространению нематериальных возможностей, включая удовлетворенность от благоденствия и процветания, достигаемых посредством интересной, созидательной и даже творческой работы.

В то же время некоторые экономисты полагают, что обществу для счастья не нужен динамизм. Французы и итальянцы, кажется, находят вполне приемлемым, что в их экономиках в течение последних двух десятилетий не было инноваций, инициированных изнутри. Они довольствуются экономикой, способной только позволить глобальным силам рынка — включая достижения отечественной и зарубежной науки — поднять существующий уровень ставок заработной платы

¹ Abraham Lincoln, «Discoveries and Inventions», Young Men's Association, Bloomington, Illinois, April 6, 1858.

² See Emma Griffin, *Liberty's Dawn: A People's History of the Industrial Revolution* (Yale University Press, 2013). Her current work, as yet unpublished, has reached farther into the nineteenth century, where some of the findings are equally or more striking.

и поддерживать рыночный уровень прибыли. (На самом деле небольшой рост реальных доходов населения с недавних пор имеет место в развитых экономиках.) Но, с моей точки зрения, такая экономика выглядит жалко рядом с экономикой с явным благоденствием и процветанием, не говоря уже об экономиках со стремительными инновациями, как в прошлом на Западе. Как ни странно, этот вызывающий жалость тип экономики очень похож на описанные в классической экономике теоретические модели.

В классических моделях, которые я описываю, никто не пытается придумать что-то новое (кроме, возможно, новых прибыльных инвестиций), и никто не пытается это создать. Нет концепции деятельности человека, только ответы на вопросы заработной платы, процентных ставок и благосостояния. Экономика механическая, роботизированная. Благосостояние может расти, но нет личного роста. В классической модели Бентама, с ее «суммой благ», индивидуальности представлены как машины, работающие для того, чтобы внести свою лепту в общее благосостояние. Йозеф Шумпетер представляет, что «инновацию» создают идущие впереди предприниматели, которые «очевидным» образом применяют открытия, сделанные вне национальной экономики, как будто центральные участники национальной экономики не обладают воображением совсем.

Такие классические модели являются основой для современной стандартной экономики. Эта экономика, несмотря на некоторые сложности, не оставляет места экономике, в которой люди придумывают новые продукты и используют для их создания свои творческие способности. Наиболее фундаментальным из того, что «не так» с нашей экономикой является то, что концепция «быть настолько хорошим, насколько платят» считается нормой. В результате этого западные экономики становятся производными от такой базовой классической модели, где нет места для творческих способностей и воображения.

Примерно с 1970 г. или немногим ранее в некоторых случаях большинство континентальных экономик Западной Европы пришли к модели, которая больше напоминает механическую модель стандартной экономики. Большинство компаний высокоэффективны. Домохозяйства, кроме самых низкооплачиваемых или не имеющих постоянного заработка, постоянно экономят, тем самым с каждым годом увеличивают накопления, что продвигает их на более высокий уровень, особенно сильна эта тенденция в Италии и Франции, — намного выше, чем в Америке, если не говорить о сверхбогатых. А с ростом благосостояния домохозяйств снижается предложение рабочей силы и, как следствие, рабочие недели и доля работающих (от общего числа населения) также сокращаются.

Можно утверждать, что страны континента идут — в голову приходит Дэвид Герберт Лоуренс с его «вечным утомительным трудом» — по пути все возрастающего благосостояния, как это давно математически описал Фрэнк Рамсей. Это исследование вдохновлено влиятельным эссе Джона Мейнарда Кейнса, в котором тот расценивал снижение объема работы как освобождение человеческого духа¹. Кейнс, кажется, полагал, что обычные люди неспособны к благоденствию или процветанию. Даже сейчас многие европейцы, кажется, не осознали, что, несмотря на сравнительно высокое благосостояние и наличие свободного времени, они бедны в условиях для «хорошей жизни»: экономика способствует благоденствию и процветанию. Причины этого снижения ясны.

В большинстве стран Западной Европы, насколько я могу судить, экономический динамизм сейчас находится на минимуме со времен его появления в XIX в. Создание

¹ See F.P. Ramsey, "A Mathematical Theory of Saving," *The Economic Journal* (1928), and J.M. Keynes, "The Economic Possibilities for Our Grandchildren," *The Nation and the Athenaeum* (1930, in two parts).

и разработка новых продуктов почти исчезли с континента — того континента, который был основным источником новых отраслей и образа жизни. Рост здесь остановился, эконометрические оценки внутренних инноваций — низкие. Фактическое исчезновение созидательной и творческой активности привело к снижению национальных инноваций и одновременно к снижению инвестиционной активности и спроса на труд.

Неутешительный уровень безработицы и отсутствие удовлетворенности работой в Европе — показатель плачевного состояния экономик. Опросы дают упрощенные ответы на вопросы о сложных чувствах; и неудивительно, что по недавним национальным опросам средний индекс счастья в Испании (54), Франции (51), Италии (48), и Греции (37) ниже, чем в так называемых странах с переходной экономикой — Мексике (79), Венесуэле (74), Бразилии (73), Аргентине (66), Вьетнаме (64), Колумбии (64), Китае (59), Индонезии (58), Чили (58) и Малайзии (56)¹. Как я уже писал в статье о западной континентальной Европе, «экономика разрушает общество»².

Экономика США ненамного лучше. Два экономиста, Стэнли Фишер и Ассар Линдбек, авторы книги о «великом замедлении производительности», которое, по их мнению, началось в конце 1960-х³. Снижение роста капитала и рабочих сил одновременно, что называется «технологическим динамизмом», очевидно, и, за исключением лет «бума интернета», с 1996 по 2004 гг., оно не останавливалось; и стало значительно интенсивнее по сравнению с 1960-ми. Проведенное мной исследование показало, что замедление производительности приводит к существенному снижению заработной платы, доли работающего населения и, в некоторой степени, удовлетворенности работой. Заметно меньше достигает «хорошей жизни». (Как и в континентальной Европе, снижение производительности вызвало замедление роста заработной платы, и многие домохозяйства продолжали накапливать деньги за счет экономии, что значительно снизило их участие в экономике.) Так как снижение производительности в США началось раньше, то эффект еще более заметен.

В чем заключается механизм замедления производительности? Многие полагают, что значительный рост инноваций в Силиконовой долине привел к сокращению рабочих мест и замедлил повышение заработной платы на нижнем и среднем уровнях. Мы все можем наблюдать исчезновение книжных, музыкальных и других магазинов, а также печатных газет. Но если инновации в совокупности выросли, тяжело объяснить, почему рост «технологического динамизма» в целом однозначно идет вниз. Как писал много десятилетий назад Элвин Хансен, это «прекращение роста» или, как он это сформулировал, «катастрофическое» замедление инноваций в целом⁴.

Правдоподобное объяснение этого синдрома в Америке — среди прочего, снижение производительности и сокращение удовлетворенности работой — в критической потере внутренних инноваций в таких индустриях, как традиционное производство и услуги, которая практически не компенсируется расцветом инноваций в новых индустриях — цифровой, медиа и финансовой. На просторах Срединной

¹ «People in Emerging Markets Catch Up to Advanced Economies in Life Satisfaction», Pew Research Center, October 2014. (Performing better were the UK at 58, Germany at 60, and the US at 65).

² «Europe Is a Continent That Has Run Out of Ideas», *Financial Times*, March 3, 2015.

³ See Assar Lindbeck, «The Recent Slowdown of Productivity Growth», *The Economic Journal*, Vol. 93, N 369 (March 1983), and Stanley Fischer, «Symposium on the Slowdown in Productivity Growth», *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 2, N 4 (Fall 1988). Lindbeck begins, «The growth slowdown that began in the late 1960s or early 1970s is the most significant macroeconomic development of the last two decades».

⁴ Alvin H. Hansen, «Economic Progress and Declining Population Growth», *The American Economic Review*, Vol. 29, N 1 (March 1939).

Америки такая потеря динамизма почти осязаема, и не только в часто упоминаемых в этой связи образовании и здравоохранении. Такие компании, как «Гугл» и «Фейсбук» могут предложить работу, дающую возможность или требующую использования воображения или творческих способностей, но вся Силиконовая долина целиком составляет лишь 3% национального дохода и еще меньше рабочих мест. После того как европейские экономики больше не смогли копировать американские инновации, синдром снижения производительности захватил и их — Францию и Италию в конце 1990-х, Германию и Великобританию к 2005 г. и т. д. То, что большая часть европейских экономик, кажется, находится в худшем положении по отношению к американской по доле занятого населения и степени удовлетворенности работой, дает Америке заметное преимущество и позволяет ей оставаться на шаг впереди.

Что же вызвало такое сокращение инноваций? Ни одного убедительного объяснения не существует. Тем не менее, в двух теориях есть доля истины. Одна указывает на сопротивление инновациям привилегированными классами. Их сила значительно выросла в Западной Европе и, в конечном итоге, в Америке в послевоенные десятилетия. Из-за корпоративных понятий экономического контроля и общественного договора, берущих начало в Древнем Риме, в некоторых сферах, таких как образование и медицина, ввели регулирование и лицензирование для пресечения экспериментов и изменений, таким образом приостановив инновации.

Ссылаясь на корпоративное понятие солидарности, компании, пострадавшие от инноваций — как GM от BMW и Toyota — могли получить помощь федерального правительства, чтобы вернуть свои прежние позиции. В результате, инноваторы — BMW и Toyota в моем примере — потеряли деньги. И теперь они дважды подумают, прежде чем снова пробовать ввести инновации на автомобильный рынок США.

Ссылаясь на корпоративистский принцип социальной защиты, сильные корпорации — их владельцы и заинтересованные лица — и целые индустрии, используя лоббистов, получали предписания и патенты, затрудняющие для новых фирм проникновение на рынок и конкуренцию с уже существующими. В результате рынок для новых компаний оказался закрыт, и лишь немногие сумели проникнуть в новые отрасли до того, как там тоже были установлены барьеры. И некоторые отрасли, защищенные от проникновения новых компаний, без опасности для себя могут пренебрегать инновациями. Мы можем видеть драматические примеры того, как эти барьеры защищают игроков рынка в фармацевтике и производстве медицинских устройств, где процесс одобрения Управления по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных препаратов (FDA) блокирует новых участников и крайне замедляет инновации. Те, кто уже находится на рынке, таким образом могут свободно поднимать цены, тем самым увеличивая прибыль и неравенство имущественного положения.

Мы можем проверить эту теорию. Статистическое управление министерства труда США относительно несельскохозяйственного бизнеса показывает, что доля трудового дохода снизилась с 66% с двойного пика в 1970-х до 61% в 1990-е и примерно к 58% в последнее время. Данные Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) по секторам бизнеса показывают рост доли капитала с 32,5% в 1971–81 гг. до 34,5% в 1995–97 в США и с 33,3% до 38,5% в Европейском союзе¹.

Вторая теория указывает на препятствование возможным инновациям со стороны семьи и школы. Так же как корпоративистские ценности контроля, солидарности и протекции препятствуют инновациям, так и традиционные ценности консерватизма и материализма часто препятствуют стремлениям молодежи организовать что-то новое. Школы в меньшей степени предлагают книги о приключениях и личном развитии. Родители с детства учат осторожности и призывают быть ближе к семье.

¹ OECD, *Economic Outlook*, December 1998.

Сейчас говорят о гиперопеке: необходимо вернуться к детям со «свободным выбором», которым позволено исследовать, изучать новое и рисковать¹. После окончания обучения родители призывают детей выбрать стабильную работу с высокой зарплатой, а не в стартапе. Во многих университетах сейчас есть курсы об «ответственном инвестировании», но нет о рискованном.

Как западные страны могут достигнуть распространения благоденствия и процветания или восстановить его? Конкретные действия не помогут без нового осмысления: сначала люди должны понять, что стандартная экономика не ведет к процветанию — это лишь инструмент для повышения эффективности. Рост процветания населения требует экономики, в которой инновации активно происходят с самого низа. Для таких инноваций население должно активно изобретать и создавать новое, недостаточно только экономической свободы. И такой динамизм необходимо подпитывать общечеловеческими ценностями.

Среди конкретных мер, которые могли бы обеспечить процветание, выделяется реформа образования. Проблема здесь заключается не в том, что прививаемые навыки не соответствуют тем, на которые есть спрос. (Эксперты признают все более высокий уровень образования в сфере естественных наук, технологий, инженерного дела и математики, но, когда в Европе были созданы специализированные университеты, в этих областях инноваций не наблюдалось.) Проблема в том, что молодежь не учится видеть экономику как пространство, где участники могут придумывать новые вещи, где предприниматели могут хотеть их применять, а инвесторы могут рискнуть и поддержать некоторые из них. Большое значение имеет формирование у молодых людей такого видения экономики.

Также существенно, чтобы школы и колледжи учили студентов общечеловеческим ценностям, транслируемым через шедевры западной литературы, чтобы эти молодые люди хотели создать экономику, где будут предлагаться творческие и созидательные карьерные пути. Система образования должна давать студентам и гуманитарное знание, чтобы подпитывать стремление человека к созданию нового и, возможно, достигнуть инноваций. Такая переориентация общего образования должна быть подкреплена такими же изменениями в экономическом образовании.

Мы все должны перейти от классической фиксации на накоплении богатства и производительности к современной экономике, которая ставит в центр экономической жизни воображение и творческие способности.

¹ See Hanna Rosin, “The Overprotected Kid,” *The Atlantic*, April 2014, and Lenore Skenazy, *Free-Range Kids: How to Raise Safe, Self-Reliant Children (Without Going Nuts with Worry)*, (Jossey-Bass, 2009).